

DOI 10.34685/NI.2019.93.21.009

Прикладная культурология

Селезнев А.Г.

Современные религиозные и экологические движения как предмет этнографического изучения (Западная Сибирь, Омская область)

Аннотация. Излагаются результаты этнографического изучения современных религиозных и экологических движений Омской области. Источниковую базу составляют полевые материалы, собранные в ходе обследования нового сакрального центра, возникшего в д. Окунево, и идейно(религиозно) ориентированных экопоселений, получивших распространение на территории региона. Материалы относятся к XXI в.

Рассматривается понятие хронотопа новых сакральных пространств. Его основу зачастую составляют археологические объекты, подвергающиеся сакрализации и мифологизации. При этом новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими памятниками, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов. Анализируется популярный этиологический миф о древнем великом городе на месте нынешнего Омска. Социальной базой подобных мотивов является состояние психологической фрустрации в связи с утерей регионами России былой экономической и культурной значимости, централизация и концентрация всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России с одновременной маргинализацией остальных территорий.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, Окунево, экопоселения, этнографическое изучение.

С 2012 года в Омской области выполнялось полевое этнографическое обследование ряда специфических субкультурных групп, ставших важной частью современного социокультурного ландшафта. Работа проходила в два этапа. На первом этапе был изучен мощный сакрального центр, сформировавшийся в течение последней четверти века в районе д. Окунево

Муромцевского района Омской области. Данный комплекс обладает огромной притягательной силой для разных религиозных объединений и групп паломников; каждый год центр посещают несколько десятков тысяч человек. Люди приезжают из самых разных регионов России и из многих стран мира. Путешествие в эти места становится своего рода модой, обязательным ритуалом для медийных персон и представителей так называемой «творческой элиты» современной России. Наибольшим влиянием обладают религиозно-культурные организации неиндуистского толка – бабаджисты, шиваиты; а также общины, идеология которых строится на основе изобретения «древнеславянских» традиций. Последние позиционируют себя как ведические православные, родноверы, ведорусы, просто «славяне». Кроме того, в Окунево постоянно или периодически функционирует ряд других культурно-религиозных объединений; от прихода Русской православной церкви до одной из самых радикальных неоязыческих группировок современной России – Древнерусской церкви Православных Староверов Инглингов под руководством Патера Дия (Отца Александра Хиневича, Коловрата) [1; 2]. Окуневский комплекс типологически близок новым сакральным центрам России, развившимся как грибы после дождя на фоне мировоззренческого кризиса постсоветской эпохи: Аркаиму на Южном Урале, Церкви Последнего Завета и Обители Рассвета в Красноярской тайге, скифским погребениям Укока, окуневским изваяниям в Хакасии, Долине царей в Тыве, Свяжску и Болгару в Татарстане, дольменам на Кавказе, сейдам Кольского полуострова и многим другим. Сходные процессы получили развитие и за пределами России. Недавно опубликован сборник, посвященный формированию новых сакральных пространств на территории Восточной Европы [3].

На втором этапе, в 2015-2019 гг., было проведено этнографическое обследование экологических поселений, сформировавшихся на территории Омской области. В качестве объекта исследования были выбраны три группы экоселений. Критерием, положенным в основу классификации, выступил идеологический (идейный, мировоззренческий) принцип. При этом идеология поселенцев чаще всего выступает в религиозной оболочке, обычно в форме того или иного нового религиозного движения (НРД). Соответственно, экоселения Омской области подразделяются на три группы: 1) поселения «родноверов», «ведических православных» и т.п., основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; 2) поселения родовых поместий (ПРП), в основу которых положена идеология широко распространенного в России НРД «Звенящие кедры России», известного также под именем анастасиевцев или анастасийцев; 3) неиндуистские поселения, созданные на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма [4]. Объединяет движения их экологическая направленность. К первой группе относятся экоселение на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского района, поселение Азь Градь Омского района, экологическая община в д. Тимшиняково Тарского р-на. Идеи НРД «Звенящие кедры России» положены в основу поселений Черноозерье (Имбирень) Саргатского района, Колобово (Малинкино) Муромцевского района, Березовка (Обережное) Горьковского района. Они составляют вторую группу поселений. Третья группа представлена на данный момент одним экоселением – «Северная столица» (рядом с с. Сосновка Азовского Немецкого р-на) [5; 6].

В целом, экспедиции были призваны отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, ее сдвиг в сторону изучения меньшинств, НРД, неформальных субкультур. Все большее распространение получают идеология Нью-Эйдж, духовный дауншифтинг, экзотические восточные культы и практики, антиконсюмеристские и экологические движения. В рамках этих движений формируются новые социокультурные практики, мифология, изобретаются обрядность и традиции. Некоторые из этих тенденций будут обсуждены в данной работе.

Прежде всего, обращает на себя внимание явное сходство ритуальных практик, мифологических мотивов, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. При этом отмечается ревитализация архаичных явлений, без труда обнаруживающих себя в культах и мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров.

Одним из таких ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Мы используем понятие «хронотоп» в том его значении, которое было разработано в трудах выдающегося российского культуролога М.М.Бахтина применительно к литературе и, отчасти, мифологии. По Бахтину, хронотоп — это существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [7]. Полагаем, что данное понятие также адекватно отражает и процесс освоения сакрального пространства [8, с. 138-140].

В ряду хронотопических объектов особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Многие «места силы» современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве [9, с. 133-134; 10, р. 275-276], дольмены на Кавказе, сакрально-туристические комплексы Болгара и Свияжска в Татарстане [11]. Аркаим [12] и «алтайская принцесса» [9, с. 129-133; 10, р. 266-268; 13; 14, р. 50-51, 66; 15, р. 18-19; 16, р. 283-287, 294-297; 17, р. 41-44; 18, р. 74-84, 88-93] – самые известные в России случаи (в Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж [19; 20]). Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями.

Окультурно-мистическая «свистопляска» вокруг археологических памятников рассматривается специалистами в числе важнейших социокультурных факторов, определяющих становление и развитие модных постмодернистских течений современной археологической мысли [21, с. 344 сл.; 22; 23; 24]. Предлагаются различные теоретические подходы к осмыслению рассматриваемых феноменов. Например, известную историю с так называемой «алтайской принцессой» (этот статус в общественном сознании закрепился за открытой археологами на плоскогорье Укок на Алтае мумией молодой женщины пазырыкской эпохи, ставшей объектом интенсивной

сакрализации, неомифологии и выстраивания новых национальных идентичностей) одна группа исследователей рассматривает с точки зрения постструктуралистских концептов хабитуса, доксы, контекстных полей, разрабатываемых в философии структурного конструктивизма Пьера Бурдьё [18]. Другие авторы тот же случай оценивают, опираясь на теорию «окультизма» Альфреда Гелла, аналитический аппарат «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума или «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [10; 15]. Наконец, отечественные исследователи обсуждают этот феномен в контексте роста алтайского национализма [17].

История с «алтайской принцессой» получила широкий резонанс в прессе. В общественном сознании этот образ превратился в символ национальной идентичности алтайцев. С «мезью» принцессы связывались расстрел Белого дома, войны в Чечне и на Украине, катастрофические землетрясения на Алтае первых двух десятилетий XXI вв. (название статьи польского исследователя Агнешки Халембы [16] об этой истории метафорически обыгрывает ситуацию: «Что испытываешь, когда религия уходит у тебя из-под ног?»). Очередной вишенкой на торте стала недавняя публикация в нью-йоркской газете «Обсервер». В ней вполне серьезно обсуждается предположение, что проблемы со здоровьем и в личной жизни, а также известные политические неудачи Хиллари Клинтон связаны с проклятием «алтайской принцессы», мумию которой тогдашней первой леди США продемонстрировали во время ее визита в Россию в 1997 г. Более того, автор статьи не исключает, что это была ловушка, расставленная на перспективу российскими спецслужбами [25].

Технология сакрализации образа алтайской принцессы восходит к архаичным, если не сказать, архетипическим мифологическим комплексам. Так этнографы зафиксировали представления, согласно которым принцесса приходит к людям во сне с сообщением, что она обладает особым даром, заключающимся в том, чтобы служить курчуу (поясом-оберегом) для Алтая, и с просьбой помочь ей вернуться домой [см.: 26, с. 35; 27, с. 117-123]. Многочисленные антропологические исследования свидетельствуют, что сновидения в разных культурах являются важнейшим источником формирования новых сакральных образов и объектов [см., например: 28, с. 127-130]. Своёобразно трактуя приемы археологических раскопок замерзших могил, алтайские активисты обвиняют археологов в том, что они сварили (обварили) принцессу, а также, что она выставлена в музее на обозрение обнаженной [13, с. 81-82, рис. 1]. При знакомстве с этими материалами не оставляет ощущение, что местные интеллектуалы усердно штудируют «Мифологики» К. Леви-Стросса. Приходят на память, в частности, названия его книг «Сырое и вареное» и «Человек голый».

Относительно сакрального комплекса в районе д. Окунево следует отметить, что археологический компонент занимает важное место в рождении и функционировании этого феномена. Причудливое осмысление археологического наследия Окунева характерно для мифологии бабаджистов, «ведических православных» (ревнителей древнеславянских традиций) и других культурно-религиозных групп [1; 29, с. 296-300].

Так, например, широкое отражение в местной мифологии нашло открытие могильника Усть-Тара VII, находящегося в 45 км. от д. Окунево и относящегося к раннему Средневековью. В ходе раскопок в могильнике было зафиксировано 8 могил, причем у части погребенных отмечаются признаки искусственной деформации (удлинения) черепов (подробнее см. в [1, с. 50-52]. В среде окуневских эзотериков быстро распространился миф, согласно которому погребенные были жрицами некоего культа, обладавшими каналом связи с высшим божественным миром. Местные энтузиасты создали большое «капище», как бы реконструирующее место захоронения жриц. На нем периодически проводятся неязыческие ритуалы.

История с вытянутыми черепами выплеснулась за пределы местных рамок. О находке сообщили многие федеральные СМИ. Благодаря специальным фильмам на телеканалах Рен-ТВ и НТВ она приобрела всероссийскую известность. Высшего уровня мифотворчество достигло в программе известной ведущей Анны Чапман. Саргатская археологическая культура трансформировалась в народ саргатов, живших 8 тыс. лет назад и отличавшихся исполинскими ростом и силой. находка захоронений людей с искусственно деформированными черепами породила грандиозную мифологическую конструкцию, в которой присутствовали и древние жрицы, и прилеты инопланетян, и контакты с потусторонним миром.

Этот весьма однообразный набор беспрепятственно кочует из одного издания в другое. Вот, например, эзотерический интернет-портал «Русская семерка» публикует семь главных «археологических загадок» на территории России. В списке – старые знакомые: саргаты, «омские пришельцы» с удлиненными черепами, алтайская принцесса, Аркаим [30].

Ядром сакрального пространства Окунева является Омкар, Пуп Земли, Энергетический центр – территория так называемого Татарского Увала, высокого мыса на террасе р. Тары в полутора километрах к северо-западу от деревни. Здесь на возвышенном живописном месте возник целый комплекс сакральных артефактов разных религиозных направлений: православная часовня Михаила Архангела, православный крест, славянский знак коловорота, индуистский жертвенник «дхуни». На этом месте проводятся индуистские праздники, а неподалеку на специальной поляне сторонники церкви староверов-инглингов устраивают инсценированные празднования Дня рождения богини Тары. На окрестных деревьях повязаны ленточки.

Вероятно, определенную роль в сакрализации данного пространства сыграло то обстоятельство, что здесь находится ряд археологических памятников от эпохи неолита до позднего средневековья и на протяжении тысяч лет формировался разновременный некрополь. Важнейшая роль в окуневской мифологии отводится личности выдающегося российского археолога Владимира Ивановича Матющенко [1; 29, с. 297-298; 31]. Примечательно, что археолог в мифологическом контексте выступает в качестве верховного демиурга – дарителя высших сакральных знаний; ср. фрагмент записанного нами интервью: «...он (В.И.Матющенко. — А.С., И.С.) ...раскрыл много глубин и исторических фактов».

В 2014 г. непосредственно на «Пупе Земли» (Татарском Увале) — главном месте сакрального комплекса — появился столб, установленный последователями Бабаджи, на котором был помещен текст, разъясняющий официальный символ веры религиозного объединения:

*ОМКАР ШИВА ДХАМ -
ОЗНАЧАЕТ МЕСТО, ОТКУДА НАЧАЛОСЬ ТВОРЕНИЕ*

Археологические раскопки на Татарском увале под руководством профессора Матющенко подтвердили, что живописное правобережье Тары сиздавна служило местом священнодействия для многих проживающих здесь народов.

В настоящее время общиной «Омкар Шива Дхам» здесь проводится возрожденный Бабаджи огненный ритуал — ХАВАН (ЯГЬЯ), в древности изобретенный ришами для очищения окружающей среды...

Как видно, текст содержит мотив сакрализации образа археолога и полноценное его включение в священный пантеон. Можно констатировать, что археологическое наследие («архетип древних цивилизаций») является одним из главных факторов, легитимизирующих сакральность пространства.

В наши дни археологические памятники подвергаются сакрализации более охотно, нежели пещеры, деревья или камни. В эпоху модерна и информационных технологий использовать объектом своих фантазий столь интеллектуально насыщенный комплекс, как археологический памятник, стало модно и престижно. Однако качественных различий здесь нет: новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими объектами, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов.

Впрочем, эти представления являются частью обширного неоязыческого этиологического мифа о великом городе, который существовал в течение сотен тысячелетий на месте Омска. Назывался город Асгард Ирийский от имени р. Иртыш — Ирий. Этот миф широко популяризируется в прессе и Интернете. Нам много раз приходилось слышать его варианты в ходе наших экспедиционных поездок. В 2017 г. мы посетили интересную экологическую общину, которая образовалась в д. Тимшиняково Тарского р-на Омской области. Особенность этой общины состоит в том, что ее члены являются последователями и строят свою жизнь на основе идеологии Древнерусской церкви православных староверов-инглингов – одного из наиболее известных и радикальных неоязыческих НРД России. А миф об Асгарде Ирийском как раз излагается в т.н. «Славяно-арийских ведах», которые были изданы в начале 2000-х гг., с тех пор несколько раз переиздавались и являются главной священной книгой инглистического движения.

Приводим фрагмент интервью, которое нам дали лидер и основатель общины Виктор и участница движения, принявшая имя Тарина [6, с. 268-269]. Впрочем, свое имя по рождению – Ирина – она также считает значимым и пророческим. Ведь дав ей это имя, родители мистически

предначертали ее путь и предназначение. Ирина — это не что иное, как *Ирий на*, т.е. путь на Ирий, на Иртыш. Фактически, переехав на берега Иртыша из Москвы, Ирина-Тарина выполнила пророчество и свою миссию.

Виктор: Место под поселение я сам подбирал. Я уже заранее знал, что это будет север <Омской обл.>... Я во многих местах искал. А потом уже сюда приехал и все сложилось. И вот здесь сейчас живем...

Тарина: Там был город Асгард Ирийский – город Богов.

Виктор: Его, этого города нет всего триста с небольшим лет. Его до Семена Ремезова не было только сто с небольшим лет, там 150-160 лет. А до этого он все время там был. Этот город был описан в скандинавских сагах, Асгардов то несколько было, был Асгард Согдийский, там Согдиана. Вот у скандинавов есть же саги, и там есть река Ирий, и там этот город Асгард описан, он рядом с капищем Ингли, которое отовсюду видно. И у индусов он описан в Ведах. Это капище было на месте Успенского собора <в Омске>, так вот, он стоит на малом фундаменте малого здания этого капища. Там же куча подземных ходов осталась.

Тарина: А метро, думаете, почему не откроется никак и не достроится? Потому что там же фундаменты старые и подземные ходы...

Виктор: Там 16 лучей и подземные ходы, девять штук только через Иртыш...

Активным популяризатором данного мифа является известный актер Александр Михайлов. Он тесно связан с мистическими движениями Омского региона. Ему принадлежит родовое поместье в экологическом поселении Азь Градь неподалеку от Омска. Мотивацией выбора именно этого места является древний священный город, существовавший на месте Омска сотни тысяч лет назад. Не последнюю роль играют и ссылки на «археологические» материалы: «Я строю дом в 40 километрах от Омска, в деревне Азь Градь — одном из самых удивительных поселений в мире. В 2008 году именно здесь решили создать новый город. Это удивительное место, в котором вели много раскопок и находили большое количество ценных артефактов. Это такой энергетический центр. Здесь я хочу создать жильё, сделав его своим Ноевым ковчегом, своей отдушиной» [32]. В одном из публичных выступлений актер развивает свою концепцию: «Мало кто знает, что не 300 лет вашему городу Омску, а 330 тыс. лет. Здесь, когда происходили смещения континентов, была цивилизация, как племя майя, как на Тибете была цивилизация, в Непале, и здесь были русичи, асы, арии, гиперборейцы, они вышли, три ветви вышли, одна на Кавказ вышла ветвь, на Урал вышла ветвь, здесь открывается Аркаим, третья вышла сюда, в Сибирь, и река здесь была не Иртыш, а Ирий, Ирий и Омь, вот это слияние, здесь сегодня святые места, захоронения, оказывается, что древнейшие поселения были в Омске, одни из самых древнейших поселений. И все это возвращается, возвращается, и мы даже существуем в этом информационном поле, живем в этой генетической памяти...» [2, с. 66].

Следует отметить, что как всякий миф эпохи постмодерна, сказание об Асгарде подкрепляется квазинаучной аргументацией. Последняя включает в себя лингвистические доводы о совпадении названий р. Омь и г. Омска с первозвуком Вселенной «Ом» в индуистской мифологии, и названия р. Тары с именем богини Тары в буддизме. Кроме того приводятся «исторические» ссылки на картографические материалы С.У.Ремезова. Несмотря на то, что в литературе рассмотрены реальные истоки и изложена рациональная критика данного мифологического мотива [33, с. 32-33], он получил весьма широкое распространение. Характерно, что название вышеупомянутого поселения Азь Градь является намеренной огласовкой термина Асгард Иррийский.

Мы полагаем, что социальной базой подобной мифологии является состояние психологической фрустрации в связи с утерей регионами России былой экономической и культурной значимости. Усиливаются процессы централизации и концентрации всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России и, одновременно, маргинализация остальных территорий. Миф о древнем величественном городе и всю мифологию о суперцивилизациях следует рассматривать как реакцию на нынешнее социально-экономическое положение Омского региона. По сути, фрустрации по поводу былых поражений, потерь, унижений, притеснений и ограничений лежат в основе любых националистических и культуралистских мифов.

В заключение обратимся к методологическому аспекту исследования. Опираясь на полевой «окуневский» опыт, нами предпринята попытка применить популярную в отечественной гуманитаристике теорию *иеротопии* к эмпирике новейших сакральных комплексов. Как известно, первоначально данный концепт применялся для описания явлений, связанных с христианством, главным образом православием, затем был включен и в область исламоведческих исследований [34; 35; 36]. Полагаем, что феномены вроде сакрального комплекса в Окуневе или экопоселений укладываются в концепцию иеротопии, подчеркивающую творческий аспект деятельности по преобразованию профанного пространства в сакральное [8]. Особым объектом этнографического и антропологического изучения эти объекты делает то, что они сформировались в условиях постиндустриального общества и модерна. При этом традиционные архетипы и комплексы легко встраиваются, а порой и лежат в основании мировоззрения, характерного для новых сакральных пространств (иеротопий). Мифологизированное мышление свободно включает эти архетипы в свой репертуар. В слегка модернизированном виде они выступают как существенный компонент общественного сознания, характерного для современной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнев А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 41-59.
2. Селезнева И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 59-73.

3. Pilgrimage, Politics and Place-Making in Eastern Europe: Crossing the Borders. Ed. by John Eade, Mario Katić. Farnham, England: Ashgate, 2014. xiv + 187 pp.
4. Селезнев А.Г. Экологические поселения: варианты освоения локального пространства и принципы классификации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2018. – Т. 24. – С. 439-442.
5. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Из города в лес: новые экоселения как образ идеальных отношений с природой // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. – 2016. – № 4(26). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/392.html&j_id=29 (дата обращения: 10.12.2019).
6. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 4(16). – С. 264-276.
7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
8. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1(54). – С. 135-143.
9. Селезнев А.Г. Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. – Омск: КАН, 2011. – С. 123-136.
10. Broz L. Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia) // The archaeological encounter: anthropological perspective. – St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, University of St. Andrews, 2011. – P. 263-297.
11. Овчинников А.В. «Возрождение» Болгара и Свяжска – новейший опыт конструирования исторической памяти // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – № 4(39). – С. 192–201.
12. Шнирельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 2. – С. 53-65.
13. Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74-104.
14. Broz L. Substance, Conduct, and History: “Altaian-ness” in the Twenty-First Century // Sibirica. – 2009. – V. 8. – No. 2, Summer. – P. 43-70.

15. *Halemba A.* The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. – L.: Routledge, 2006. – 222 p.
16. *Halemba A.* What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // *Zeitschrift für Ethnologie*. – 2008. – Bd. 133. H. 2. – P. 283-299.
17. *Mikhailov D.A.* Altai Nationalism and Archeology // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. – 2013, Fall. – V. 52. – № 2. – P. 33-50.
18. *Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsson E.* Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. – 2013, Fall. – Vol. 52. – № 2. – P. 73-98.
19. *Wallis R.J.* Paganism, Archaeology and Folklore in Twenty-first-century Britain: A Case Study of 'The Stonehenge Ancestors' // *Journal for the Academic Study of Religion: Special Issue: Religion, Archaeology and Folklore*. – 2015. – № 28(2). – P. 129-157.
20. *Cusack C.M.* Charmed Circle: Stonehenge, Contemporary Paganism, and Alternative Archaeology // *Numen*. – 2012. – № 59. – P. 138-155.
21. *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2011. – 626 с.
22. *Niklasson E., Meier Th.* (ed). *Appropriate narratives: Archaeologists, publics and stories*. – Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 2013. – 296 p.
23. *Wallis R.J., Blain J.* Sites, sacredness, and stories: Interactions of archaeology and contemporary Paganism // *Folklore*. – 2003. – № 114(3). – P. 307-321.
24. *Leskovar J., Karl R.* (ed.) *Archaeological Sites as Space for Modern Spiritual Practice*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
25. *Klikushin M.* Hillary Clinton Was Cursed to Fail by Siberian Mummy // *Observer*. – 2017. – 10 march. – URL: <http://observer.com/2017/03/princess-of-ukok-siberian-mummy-curse-hillary-clinton/> (дата обращения: 10.12.2019).
26. *Тюхтенева С. П.* Земля моего сновидения // *Этнографическое обозрение*. – 2006. – № 6. – С. 31-37.
27. *Доронин Д.Ю.* Белый конь на гребне горы: структура и маркеры коммуникации в визионерских практиках алтайцев // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. – 2016. – № 12(21). – С. 115-134.

28. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. – 2013. – № 3. – С. 120-132.
29. Головнева Е., Шмидт И. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 3(33). – С. 291-321.
30. 7 археологических загадок на территории России // Русская семерка. – URL: <http://russian7.ru/post/7-arkheologicheskikh-zagadok-na-territor/> (дата обращения: 10.12.2019).
31. Яшин В.Б. Классик археологии и «неклассическая» археология // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко. – Омск: КАН, 2014. – С. 108-131.
32. Семина Д. Александр Михайлов: «Я строю дом под Омском» // Ва-банк. Омск. – 2018. – №1(407). – С. 7.
33. Матвеев А.В. С. У. Ремезов. Предчувствие Омска? // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». – 2016. – Вып. (13)22. – С. 25-33.
34. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Мемориально-культурные комплексы как сакральное пространство в традиционной культуре казахов Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2018. – № 3(19). – С. 288-296.
35. Ларина Е.И. Сакральные пространства казахов: историческая память, иеротопия и идентичность // История [Электронный ресурс]. – 2019. – Т. 10. – Вып. 1(75). – URL: <https://doi.org/10.18254/S0002560-5-1> (дата обращения: 10.12.2019).
36. Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2(21). – С. 111-119.

© Селезнев А.Г., 2019.

Статья поступила в редакцию 06.12.2019.

Селезнев Александр Геннадьевич,

кандидат исторических наук,

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск),

e-mail: seleznev@myttk.ru

**Modern religious and ecological movements as a subject of ethnographic study
(Western Siberia, Omsk region)**

Abstract. The results of ethnographic study Omsk region modern religious and ecological movements are presented. Source database consists field materials, collected during the research the new sacral centre formed around Okunevo village, as well as ideological(religious)-oriented ecovillages, widely spread on the territory of Omsk region. The materials belong to the 21st century. The concept of the new sacred spaces chronotope is considered. Archaeological objects are exposed to the sacralization and mythologization form its basis often. At the same time, the new occult-mystical mythology associated with archaeological monuments is only a modernization very archaic traditional ideas and archetypes. A popular etiological myth about the ancient great city on the site of the current city of Omsk is analyzed. Psychological frustration on the reason of the loss by Russian regions former economic and cultural significance, the centralization and concentration all cultural and economic resources almost only in the capitals of Russia it is the Social basis of such motives.

Key words: Western Siberia, Omsk region, Okunevo, ecovillages, ethnographic study.

Seleznev Alexander Gennadievich,

PhD in History,

Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)